

в три и в середнячком в полтора раза, а ведь эти слои представляли подавляющую часть сельского населения Северного Вьетнама. Г-ну Фоллу следовало бы ознакомить читателя с этими данными, прежде чем делать свои «объективные» выводы.

Много места автор отводит показу тех временных экономических трудностей, которые пришлось пережить трудящимся ДРВ после восстановления мира. Он, очевидно, постарался забыть, что по вине колонизаторов страна в течение девяти лет была объята пожаром войны, что только в 1945 году здесь погибло от голода около двух миллионов человек. Профессор Фолл пытается доказать, что в Южном Вьетнаме положение лучше, что там рабочим живется привольно. Полноте, г-н профессор! Ведь вы же были в 1957 году в Сайгоне и знаете о существовании массовой безработицы в Южном Вьетнаме: даже такие лояльные, верные нодиньдъемовскому режиму газеты, как «Ты зо», сообщали, что она охватывала около 700 тысяч человек, то есть свыше половины самодеятельного городского населения, а в ДРВ к этому времени с массовой безработицей было покончено. Хотелось бы в связи с этим напомнить профессору Фоллу, что тогда как, по официальным данным, среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в ДРВ повысилась с 31 донга в 1955 году до 52 донгов в 1959 году⁶, Профсоюзное объединение Сайгона—Шолонга в конце 1960 года в своем решении специально отметило, что с 1956 года жизненный уровень трудящихся этих городов снизился в два раза.

Основное место в разделе о культуре у г-на Фолла занимает слезливый рассказ о неудачной вылазке на страницах прессы ДРВ группы ревизионистов и реакционеров в 1956—1957 годах (стр. 327—330). По мнению автора, это «крупнейшее событие в культурной жизни ДРВ за последние 15 лет». В то же время он не считает нужным, например, познакомить читателя с успехами трудящихся демократического Вьетнама в области литературы и искусства. Он, очевидно, знает, что на экраны ДРВ вышли первые художественные фильмы «У обшей реки», «Апельсиновый сад», «Девушка с новостройки» и дру-

гие, что впервые в истории Вьетнама поставлены национальные балеты «Там и Кам» и «Пламя советов Нге-Тиня», что именно в ДРВ создан первый во Вьетнаме Большой симфонический оркестр и национальные музыкальные театры переживают вторую молодость. А блестящие успехи живописи, литературы, театрального искусства и других областей культуры!

Разбирая национальную политику ДРВ, г-н Фолл приходит к довольно странному выводу: по его мнению, она «противоречит всей вьетнамской национальной политике» и будто бы является фактически продолжением традиционной политики французских колонизаторов «разделяй и властвуй» (стр. 89—90). И это без анализа положения в национальных автономных районах и, разумеется, без ознакомления читателя с теми большими успехами, которых добились национальные меньшинства Северного Вьетнама, особенно в период после восстановления мира в 1954 году.

Еще более энергичный протест читателя вызывает описание трудного и славного девятилетнего периода (1945—1954 годы) героической войны вьетнамского народа за свою независимость.

Кто развязал «грязную войну»? Б. Фолл призывает отказаться от «неправильного» взгляда и, взяв на себя роль адвоката французских колонизаторов, пытается доказать, что ДРВ занимала в декабре 1946 года лучшие стратегические позиции и что ее лидеры надеялись на «быструю войну» (стр. 60). Читателю остается только сделать вывод: война развя-

зана по вине ДРВ. Это уже клевета, г-н профессор, клевета, которую не вы первый берете на вооружение, не пытаясь ничем аргументировать.

А решения Женевского соглашения 1954 года по Индокитаю о мирном объединении Вьетнама? Автор и здесь верен себе. Он пытается доказать, что они и не ставили вопрос о всеобщих выборах, намеченных на лето 1956 года; указание в заключительной декларации, мол, не имеет обязательного характера (стр. 55 и 71). Знакомые доводы! Это, г-н Фолл, уже не «незнание», а самый настоящий «злой умысел». Именно так пытается «законным» образом оправдать срыв Женевских соглашений Нго Динь Дьем.

Эти мысли автор развивает не впервые и не впервые пытается подвести под них солидную «научную» основу. Кому это нужно — догадаться нетрудно. В 1959 году профессор Фолл удостоивается чести быть лауреатом программы исследований блока СЕАТО, печально известного миру своими агрессивными целями. И все становится на свои места, когда узнаешь из книги, что она была начата в 1953 году в Ханое, оккупированном французскими колонизаторами, а закончена в июле 1959 года в Бангкоке — городе, где размещается штаб-квартира СЕАТО и куда г-н Фолл попал во время поездки по странам Азии, организованной для него на средства этого блока. Комментарии, как говорится, излишни.

И. ЩЕДРОВ

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К НОВОМУ

26 июля народ Либерии отметил свой большой национальный праздник — День провозглашения республики. В дни юбилеев принято оглядываться на путь, пройденный страной, думать о будущем своего народа. Судьбам народа Либерии, его прошлому и настоящему посвящена книга, в которой собраны важнейшие выступления президента страны Уильяма Табмэна.

The President Tubman of Liberia Speaks, ed. by E. R. Townsend, London, 1959, 302 pp.

Когда в 1847 году была провозглашена Республика Либерия, коренное население страны, состоявшее почти из 30 различных племен и насчитывавшее около 2,5 миллиона человек, очутилось на положении «граждан второго сорта». Все привилегии достались американо-либерийцам (потомкам негров — переселенцев из США, насчитывающим 15—20 тысяч человек). Но, как сказал президент республики Табмэн, «еще ни одному народу или отдельному лицу сила и насилие не приносили прочного мира, процветания, по-

⁶ «15 лет Демократической Республики Вьетнам», М., издательство ИМО, 1960, стр. 124.

беды и успеха» (стр. 151). И наиболее дальновидные деятели Либерии понимали, что с теорией «двух народов в одном государстве» должно быть покончено. Эту задачу президент Табмэн сформулировал так: «Если мы действительно намерены создать в конечном счете великое и сильное государство, если мы хотим жить в мире и спокойствии и располагать равными возможностями на счастье и процветание, мы обязаны научиться идти вперед сообща, как один народ, мы обязаны научиться работать сообща, развлекаться сообща, жить сообща» (стр. 177).

Именно эту цель преследовала «политика объединения» — курс на ликвидацию пропасти, разделявшей американско-либерийцев и коренное население, выдвинутый в 1944 году новым правительством Либерии во главе с президентом Табмэном.

К каким практическим результатам привела «политика объединения»? Коренным жителям предоставлены избирательные права (правда, пока им принадлежит только треть мест в палате представителей республики), они получили доступ к государственной службе, и отдельные из них занимают видные посты. Правительству удалось привлечь на свою сторону вождей племен.

Основой своей экономической политики правительство Табмэча считает «политику открытых дверей» — комплекс мероприятий, которые должны привлечь в страну иностранный капитал. В этом правящие круги Либерии видели единственный выход из экономических затруднений. Первоочередная задача заключалась в том, чтобы расплатиться с иностранными займодавцами, главным образом с крупнейшим каучуковым магнатом Гарвеем Файрстоном. Правительству удалось выполнить эту задачу. Доходы иностранных концессионеров стали облагаться налогами, в результате чего резко возросли поступления в государственную казну. Страна с ликованием отметила день, когда был сделан последний взнос по займу Файрстона, серьезно ущемлявшему национальный суверенитет Либерии. Это произошло в 1951 году, за 15 лет до истечения срока погашения займа.

За последние годы Либерия добилась немалых успехов в экономическом развитии. Достаточно сказать, что ее доходы поднимутся с 11,2 миллиона в 1952 году до 27 миллионов долларов в 1961 году. В стране теперь еже-

годно производится свыше 40 тысяч тонн каучука, добывается около 2,5 миллиона тонн железной руды. Широко развернулось дорожное строительство. В Либерии, превышающей по площади Данию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург вместе взятые, каких-нибудь 15—20 лет назад имелось не больше 100 километров дорог. Теперь страну пересекает транслиберийская автомагистраль, связавшая ее столицу Монровию с Гвинейской Республикой; от этого шоссе прокладываются ответвления во все три внутренние провинции. Дорожная сеть к настоящему времени достигает 3,5 тысячи километров; строится 15 дорог местного значения.

Можно не сомневаться, что экономические успехи Республики Либерии были бы еще более значительными, если бы она располагала всеми доходами от эксплуатации национальных богатств. Пока же большая часть прибылей оседает в сейфах иностранных концессионеров, среди которых ведущими являются американские компании «Файрстон тайр энд раббер компани» и «Лайбирча майнинг компани». Достаточно сказать, что ежегодные доходы первой — крупнейшей каучуковой компании — в три раза превышают доходную часть бюджета Либерии. Нельзя не отметить, что огромные прибыли иностранных концессионеров стали возможны благодаря курсу «открытых дверей».

В области внешней политики правительство Либерии выступает за сохранение и укрепление мира. Как говорит президент Табмэн, «сама жизнь вынуждает современного политического деятеля сделать все возможное, чтобы спасти человечество от ужасов и разрушений атомной и водородной войны» (стр. 151).

В своих речах президент Табмэн неоднократно подчеркивал, что Либерия выступает за ликвидацию колониализма в Африке. Обращаясь 23 января 1959 года к съезду Партии истинных вивов, он следующим образом определил политику Либерии по этому вопросу: «...Мы будем еще более энергично и неуклонно бороться за освобождение районов Африки, находящихся пока под чужеземным игом. Мы будем требовать предоставления народам Африки их законного права на свободу и самоопределение. Добиваясь этих целей, мы будем содействовать более тесному сотрудничеству африканских стран

и всех миролюбивых государств — членов ООН» (стр. 288).

10 марта 1961 года Совет Безопасности рассмотрел положение в Анголе. Проект резолюции, представленный Либерией, резко осуждал режим террора в этой португальской колонии и требовал предоставить ей независимость. Эта резолюция была поддержана Советским Союзом и афро-азиатскими странами. Хотя колонизаторам удалось сорвать принятие резолюции Советом Безопасности, Либерия вместе с другими странами Азии и Африки внесла вопрос о положении в Анголе на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН.

Внешнеполитический курс Либерии не свободен от колебаний. Это отчетливо проявилось в дни конголезской трагедии, когда ее правительство поддержало действия Хаммаршельда. Нельзя не отметить также известного сближения, наметившегося между Либерией и теми африканскими государствами (в частности, некоторыми бывшими французскими колониями), которые придерживаются открыто «прозападного курса». Однако стремление Либерии содействовать освобождению Африки от остатков позорной системы колониализма находит признание со стороны независимых африканских государств. Президент Гвинейской республики Секу Туре, выступая по случаю годовщины провозглашения Республики Либерии 26 июля 1959 года, говорил: «Нельзя вспомнить случая, когда мужественный братский народ Либерии выступил бы против естественного стремления африканцев к солидарности, а его решительная поддержка борьбы африканских народов за свое освобождение во многом содействовала успехам в деле ликвидации колониализма и империализма в Африке...»

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Республикой Либерией были установлены в январе 1956 года. С тех пор связи между обоими государствами быстро развивались. Можно не сомневаться, что этому в немалой степени будут способствовать визит президента Либерии Уильяма Табмэна в Советский Союз, равно как и предстоящая поездка в Либерию Никиты Сергеевича Хрущева — последовательного борца против колониализма, искреннего друга всех африканских и азиатских народов.

М. ФРЕНКЕЛЬ